

«С любовью здешней будут слиты»: Мандельштам и Ахматова

« Ils seront unis à l'amour d'ici-bas » : Mandel'stam et Ahmatova

“They'll merge with the love of this world”: Mandel'stam and Ahmatova

Oleg Lekmanov

🔗 <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=906>

DOI : 10.35562/modernites-russes.906

Electronic reference

Oleg Lekmanov, « «С любовью здешней будут слиты»: Мандельштам и Ахматова », *Modernités russes* [Online], 23 | 2024, Online since 30 décembre 2024, connection on 13 février 2025. URL : <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=906>

Copyright

CC-BY

«С любовью здешней будут слиты»: Мандельштам и Ахматова

« Ils seront unis à l'amour d'ici-bas » : Mandel'stam et Ahmatova

“They'll merge with the love of this world”: Mandel'stam and Ahmatova

Oleg Lekmanov

AUTHOR'S NOTES

Данное исследование является частью неизданной книги “Любовная лирика Мандельштама. Эволюция. Единство. Адресаты”.

TEXT

- 1 11 октября 1917 года Мандельштам выехал из Феодосии в Петроград. Октябрьский переворот он встретил в северной столице. С этого времени и по конец марта или начало апреля 1918 года поэт особенно часто встречался с Анной Ахматовой. Оборвались их встречи внезапно и весьма для Мандельштама болезненно. В феврале 1925 года Ахматова рассказывала Павлу Лукницкому:

Одно время О. М. часто ездил с ней на извозчиках. А. А. сказала, что нужно меньше ездить во избежание сплетен. «Если б всякому другому сказать такую фразу, он бы ясно понял, что не нравится женщине... Ведь если человек хоть немного нравится, он не посчитается с никакими разговорами, а Мандельштам поверил мне прямо, что это так и есть...» [Лукницкая, 1991: 115]

- 2 В Листках из дневника Ахматова изменила «нужно меньше ездить» на еще более жесткое в данном случае «не следует так часто встречаться» (потому что встречаться ведь можно и гуляя пешком):

После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений. После этого,

примерно в марте, Мандельштам исчез. Тогда все исчезали, и никто этому не удивлялся. [Ахматова, 1989: 131]

- 3 Фрагмент из *Листков из дневника* уже после смерти Ахматовой со ссылкой на восприятие ситуации расставания Мандельштамом иронически прокомментировала его вдова:

Мандельштаму в давние годы она вдруг сказала, чтобы он пореже бывал у нее, и он взбесился, потому что никаких оснований не было. Она же объясняла этот поступок — приличием («Что скажут люди?») и заботой о мальчике («А что, если бы он в меня влюбился?»)... Мандельштам называл это «ахматовскими фокусами» и смеялся, что у нее мания, будто все в нее влюблены. [Мандельштам Н., 2014: 238]

- 4 Понятно, что у Мандельштама имелись веские основания в разговорах с женой представлять свое бывшее чувство к Ахматовой не как любовь, а как «высокую дружбу» [Мандельштам Н., 2014: 264],¹ — профилактическое отстранение от общения в 1918 году было для него оскорбительным и ранило его самолюбие. Как это ни удивительно, Ахматова тогда обошлась с Мандельштамом даже суровее, чем Цветаева.
- 5 Отметим, что обида и на Цветаеву, и на Ахматову отразилась в печатных отзывах Мандельштама начала 1920-х годов на их поэтические произведения.
- 6 С. И. Липкин в воспоминаниях писал, что «чудесной чертой Мандельштама, ныне не часто встречающейся, была его литературная объективность. Не то что суд его был всегда правым, но свои оценки писателей он не связывал с отношением этих писателей к себе» [Липкин, 2008: 31]. Вероятно, суждение Липкина справедливо, если говорить о профессиональных взаимоотношениях Мандельштама с писательской средой. Однако в случае с отстранившими поэта женщинами дело обстояло совсем не так.
- 7 Летом 1916 года, если верить мемуарам сестры Софии Парнок, Елизаветы Тараховской, Мандельштам стихами Цветаевой еще восхищался:

О. Мандельштам очень любил стихи Марины Цветаевой и не любил стихов моей сестры Софьи Парнок. Однажды мы разыграли его: прочитав стихи моей сестры, выдали их за стихи Марины Цветаевой. Он неистово стал расхваливать стихи моей сестры. Когда розыгрыш был раскрыт, он долго на всех нас злился. [Левинтон, Никольская, 1988: 772]

- 8 Однако в статье «Литературная Москва» 1922 года Мандельштам подверг стихотворения Цветаевой, в том числе и те, которые он когда-то «неистово расхваливал», разносной критике:

Для Москвы самый печальный знак — богородичное рукоделие Марины Цветаевой, перекликающееся с сомнительной торжественностью петербургской поэтессы Анны Радловой. Худшее в литературной Москве — это женская поэзия. Опыт последних лет доказал, что единственная женщина, вступившая в круг поэзии на правах новой музыки, — это русская наука о поэзии, вызванная к жизни Потебней и Андреем Белым и окрепшая в формальной школе Эйхенбаума, Жирмунского и Шкловского. На долю женщин в поэзии выпала огромная область пародии, в самом серьезном и формальном смысле этого слова. Женская поэзия является бессознательной пародией как поэтических изобретений, так и воспоминаний. Большинство московских поэтесс ушиблены метафорой. Это бедные Изиды², обреченные на вечные поиски куда-то затерявшейся второй части поэтического сравнения, долженствующей вернуть поэтическому образу, Озирису, свое первоначальное единство. Адалис и Марина Цветаева пророчицы, сюда же и София Парнок. Пророчество как домашнее рукоделие. В то время как приподнятость тона мужской поэзии, нестерпимая трескучая риторика, уступила место нормальному использованию голосовых средств, женская поэзия продолжает вибрировать на самых высоких нотах, оскорбляя слух, историческое, поэтическое чутье. Безвкусица и историческая фальшь стихов Марины Цветаевой о России — лженародных и лжемосковских — неизмеримо ниже стихов Адалис, чей голос подчас достигает мужской силы и правды.³ [Мандельштам, 2010: 102-103]

- 9 Обратим внимание, что неназванной Ахматовой в этом пассаже тоже досталось, ведь Мандельштам назвал «русскую науку о

поэзии» «единственной женщиной, вступившей в круг поэзии на правах новой музыки».

- 10 Впрочем, в заметке 1923 года «Vulgata» Мандельштам высказался об Ахматовой прямо, без экивоков. Если в рецензии, написанной до неприятного разговора 1918 года, он был готов признать ахматовскую поэзию «одним из символов величия России» [Мандельштам, 2010: 44], то теперь его суждение больше всего напоминало эпиграмму:

Воистину русские символисты были столпниками стиля: на всех вместе не больше пятисот слов — словарь полинезийца. Но это, по крайней мере, были аскеты, подвижники. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине — это уже паркетное столпничество.⁴ [Мандельштам, 2010: 142]

- 11 В этой характеристике Мандельштам издевательски намекал на третью строфу из стихотворения-автопортрета Ахматовой 1913 года «На шее мелких четок ряд...», вошедшего в ее поэтическую книгу *Подорожник* (1921):

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета. [Ахматова, 1989: 242]

- 12 Отметим, что после того, как любовь Мандельштама в 1933 году отвергла Мария Петровых, он тоже своеобразно отомстил ей именно в профессиональной области. Началом 1934 года датировано мандельштамовское шуточное стихотворение-обращение к Петровых, в котором предсказывается ее будущее не как поэта, а как переводчицы графоманских виршей представителей советских союзных республик:

Марья Сергеевна, мне ужасно хочется
Увидеть вас старушкой-переводчицей,
Неутомимо с головой трясущейся
К народам СССР влекущейся,
И чтобы вы без всякого предстательства
Вошли к Шенгели в кабинет издательства

И вышли, нагруженная гостинцами —
Недорифованными украинцами. [Мандельштам, 2009: 336]

- 13 К ремеслу поэтического переводчика Мандельштам, как известно, относился весьма пренебрежительно. В *Листках из дневника* Ахматова вспоминала:

О. Э. был врагом стихотворных переводов. Он при мне на Нащокинском говорил Пастернаку: «Ваше полное собрание сочинений будет состоять из двенадцати томов переводов и одного тома ваших собственных стихов». Мандельштам знал, что в переводах утекает творческая энергия, и заставить его переводить было почти невозможно. [Ахматова, 1989: 136]

- 14 Название «Нащокинский переулок» до революции носила улица Фурманова, где в кооперативном доме Осип и Надежда Мандельштамы в августе 1933 года сумели купить кооперативную квартиру, куда и приходила в гости Мария Петровых.
- 15 Возвращаясь к разговору о любовной лирике Мандельштама, признаем, что поправка его вдовы к воспоминаниям Ахматовой не может быть проигнорирована полностью. Мандельштамовские стихотворения, обращенные к Ахматовой, в том числе и стихотворения 1917 года, действительно, не были откровенно любовными, в отличие от адресованного Цветаевой стихотворения *Не веря воскресенья чуду...* и некоторых более поздних поэтических посвящений Ольге Гильдебрандт-Арбениной, Ольге Ваксель, Марии Петровых, Еликонице Поповой...
- 16 Хотя первое стихотворение-обращение Мандельштама к Ахматовой, написанное в 1911 году, было шуточным, в нем вполне отчетливо отразилось то не слишком уютное ощущение, которое поэт первоначально испытывал в ее присутствии:

Вы хотите быть игрушечной,
Но испорчен Ваш завод:
К Вам никто на выстрел пушечный
Без стихов не подойдет.⁵ [Мандельштам, 2009: 318]

- 17 Спустя два года Мандельштам впервые набросал ситуативный эскиз к своим будущим поэтическим портретам Ахматовой:

Черты лица искажены
Какой-то старческой улыбкой:
Кто скажет, что гитане гибкой
Все муки Данта суждены? [Мандельштам, 2009: 289]

- 18 В *Листках из дневника* Ахматова так вспомнила об истории создания этого четверостишия: «Я была с Мандельштамом на Царскосельском вокзале (10-е годы). Он смотрел, как я говорю по телефону, через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти строки» [Ахматова, 2011: 77].

- 19 В следующем году пришла пора для создания первого полноценного портрета. В *Листках из дневника* Ахматова рассказала:

В январе 1914 года Пронин устроил большой вечер «Бродячей собаки» не в подвале у себя, а в каком-то большом зале на Конюшенной. Обычные посетители терялись там среди множества «чужих» (т. е. чуждых всякому искусству) людей. Было жарко,людно, шумно и довольно бестолково. Нам это, наконец, надоело, и мы (человек 20–30) пошли в «Собаку» на Михайловской площади. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько голосов из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: «Как вы стояли, как вы читали» и еще что-то про шаль. [Ахматова, 2011: 476–477]

- 20 Итогом этого впечатления стало мандельштамовское стихотворение, которое во втором издании *Камня* (1916) так и называлось *Ахматова* [Мандельштам, 1916: 64]:

Вполоборота — о, печаль! —
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.

Зловещий голос — горький хмель —
Души расковывает недра.

Так, негодующая Федра,
Стояла некогда Рашель.⁶ [Мандельштам, 1913: 30]

- 21 При всем восхищении, с которым в этом стихотворении изображена заглавная героиня, кажется, нет оснований считать его образцом любовной лирики. Недаром стихотворение впервые появилось в том номере акмеистического *Гиперборея*, в котором было помещено сразу несколько дружеских стихотворений-посвящений.
- 22 С гораздо бóльшим основанием можно назвать поэтическим признанием в любви другое мандельштамовское стихотворение 1914 года:

Как черный ангел на снегу
Ты показалась мне сегодня,
И утаить я не могу —
Есть на тебе печать Господня.

Такая странная печать —
Как бы дарованная свыше, —
Что кажется — в церковной нише
Тебе назначено стоять.

Пускай нездешняя любовь
С любовью здешней будут слиты.
Пускай бушующая кровь
Не перейдет в твои ланиты.

И нежный мрамор оттенит
Всю призрачность твоих лохмотий,
Всю наготу причастных плоти,
Но некраснеющих ланит.⁷ [Мандельштам, 2009: 293-294]

- 23 Эти строки Ахматова тоже подробно откомментировала в «Листках из дневника»:

...он написал таинственное (и не очень удачное) стихотворение про черного ангела на снегу. Надя [Н. Я. Мандельштам — О. Л.] утверждает, что оно относится ко мне. С этим «Черным Ангелом»

дело обстоит, мне думается, довольно сложно. Стихотворение для тогдашнего Мандельштама слабое и невнятное. Оно, кажется, никогда не было напечатано. По-видимому, это результат бесед с Вл. К. Шилейко, который тогда нечто подобное говорил обо мне. Но Осип тогда еще «не умел» (его выражение) писать стихи «женщине и о женщине». «Черный Ангел», вероятно первая проба, и этим объясняется его близость к моим строчкам: Черных ангелов крылья остры, Скоро будет последний суд, И малиновые костры, Словно розы в снегу растут («Четки»). Мне эти стихи Мандельштам никогда не читал. [Ахматова, 1989: 126]

- 24 Разумеется, стихотворение *Как черный ангел на снегу...* было далеко не первым стихотворением Мандельштама, написанным «женщине и о женщине». Более того, ключевая портретная деталь этого стихотворения — бледные ланиты адресата и ее скульптурного воплощения, встречается в двух мандельштамовских стихотворениях «к женщине и о женщине» 1911 года — *Ты прошла сквозь облако тумана...* и *Не спрашивай: ты знаешь...* В этих стихотворениях цвет щек тоже упоминается в качестве едва ли не самой характерной приметы внешнего облика адресата: *На ланитах нежные румяна, Я созерцаю глянец / Девических ланит.*
- 25 И в двух стихотворениях 1911 года, и в стихотворении *Как черный ангел на снегу...* лирический субъект мысленно обращается к адресату на «ты» — верная примета поэтического признания в любви у автора *Камня*. Впрочем, в стихотворении 1914 года содержится и прямая констатация: «Пускай нездешняя любовь / С любовью здешней будет слита».
- 26 На наш взгляд, Ахматова совершенно напрасно сначала назвала этот поэтический текст «таинственным», а потом еще «невнятным». Таинственности и невнятности в нем не больше, если не меньше, чем в других стихотворениях Мандельштама.
- 27 В первых двух строфах лирический субъект угадывает в облике адресата ангельские черты, предполагает, что это сходство — божественный намек на ее ангельскую сущность и воображает ее в образе статуи ангела в нише собора. В третьей строфе эта статуя предстает воплощением и небесной, и земной любви, однако

небесное все же преобладает. Очевидно, что превращение героини в мраморного ангела должно будет освободить ее страстную натуру от «кипения крови» (как сказано в другом мандельштамовском стихотворении)⁸. Наконец, в четвертой строфе эротическая привлекательность героини («нежный мрамор...», «нагота» «причастных плоти» «ланит») уравнивается тем обстоятельством, что она теперь не существо из плоти и крови, а бескровный мраморный ангел.

- 28 Между прочим, уподобление Ахматовой ангелу «на снегу» в стихотворении Мандельштама позволяет возвести его не только к мандельштамовским разговорам с будущим мужем Ахматовой Владимиром Шилейко, но и к двустишию-матригалу участника «Цеха поэтов» Василия Гиппиуса, записанному в ахматовский альбом. В этом основанном на каламбуре двустишии Ахматова уподобляется ангелу «на льду»:

Ах! матовый ангел на льду голубом
Ахматовой Анне пишу я в альбом.⁹ [Богомолов, 1989: 39]

- 29 Первое из нескольких посвященных Ахматовой стихотворений Мандельштама 1917 года, тоже содержит обращение на «ты» (в реальности они всегда были на «вы»). При этом едва ли не основная цель стихотворения заключается в том, чтобы объяснить, почему чувство, которое лирический субъект испытывает по отношению к адресату, сложнее и больше, чем любовь:

Твое чудесное произношенье,
Горячий посвист хищных птиц,
Скажу ль — живое впечатленье
Каких-то шелковых зарниц.

«Что» — Голова отяжелела...
«Цо» — Это я тебя зову.
И далеко прошелестело:
Я тоже на земле живу.

Пусть говорят: любовь крылата.
Смерть окрыленное стократ.
Еще душа борьбой объята,

А наши губы к ней летят.

И столько воздуха и шелка

И ветра в шепоте твоём,

И, как слепые, ночью долгой

Мы смесь бессолнечную пьем.¹⁰ [Мандельштам, 1922: 34]

- 30 Уподобляя, в первой строфе, «чудесное произношение» адресата «посвисту» «хищных птиц», Мандельштам, по наблюдению А. Г. Меца [Мандельштам, 2009: 561–562] воспользовался образом из стихотворения самой Ахматовой «Вижу, вижу лунный лук...» (1915):

Не с тобой ли говорю

В остром крике хищных птиц... [Ахматова, 1989: 164]

- 31 Сравнил Мандельштам Ахматову с хищной птицей и в позднейшем разговоре с Сергеем Рудаковым, процитировавшим реплику поэта в письме к жене от 9 февраля 1936 года: «Она — плотоядная чайка, где исторические события — там слышится голос Ахматовой. И события — только гребень, верх волны: война, революция» [Иванова, Мец, 1997: 142]¹¹.
- 32 Эта характеристика, как представляется, многое объясняет в стихотворении *Твое чудесное произношеньё...* Революция, прямо упомянутая в разговоре с Сергеем Рудаковым, оказалась тем «гребнем» «волны», рядом с которым многократно усилился «голос» Ахматовой, он же «посвист» «плотоядной чайки». Так что пребывание рядом с ней в этот период рождало у Мандельштама ощущение огненного зарева («шелковых зарниц») и близости смерти, которое оказалось даже сильнее, чем любовь: «Пусть говорят: любовь крылата. / Смерть окрыленное стократ» (обратим внимание на еще два «птичьих» эпитета в этих строках). Тема близости любви и смерти, впервые в полную силу зазвучавшая в стихотворениях Мандельштама, обращенных к Цветаевой, задавала образность финала стихотворения *Твое чудесное произношеньё...* Здесь появляется уже знакомое нам по стихотворениям *Эта ночь непоправима...* и *Дочь Андроника Комнена...* столкновение мотивов ночи и солнца.

- 33 Тема истории, любви и смерти возникает в еще одном стихотворении Мандельштама 1917 года, которое содержит обращение к Ахматовой на «ты» — Кассандре:

Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре торжественного бденья
Вспоминанья мучат нас.

И в декабре семнадцатого года
Все потеряли мы, любя;
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...

Когда-нибудь в столице шалой
На скифском празднике, на берегу Невы —
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы.

Но, если эта жизнь — необходимость бреда
И корабельный лес — высокие дома, —
Я полюбил тебя, безрукая победа
И зачумленная зима.

На площади с броневиками
Я вижу человека — он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон.

Больная, тихая Кассандра,
Я больше не могу — зачем
Сияло солнце Александра,
Сто лет тому назад сияло всем?¹² [Мандельштам, 1919]

- 34 Нам представляется, что в стихотворении Кассандре нет последовательно разворачивающегося, линейного сюжета, а есть несколько картин, связанных между собой при помощи ассоциаций. Такое построение в стихотворении оправдывается выразительным определением пореволюционной российской действительности: «эта жизнь — необходимость бреда».

- 35 Начальная строфа, пожалуй, наиболее важна для раскрытия темы нашего эссе. В двух ее первых строках лирический субъект констатирует, что в прежние времена («в цветущие мгновенья») он «не искал» любви адресата («Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз»). В программной статье Николая Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» (1913) греческое слово «акмэ» переводится как «высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора» [Гумилев, 1913: 42]. Это позволяет высказать осторожную догадку, что под «цветущими мгновеньями» в стихотворении Кассандре может подразумеваться «цветущая пора» акмеизма — поэтической школы, которая объединяла Мандельштама и Ахматову. Третья строка первой строфы начинается с противительного союза «но», дающего основания предположить, что к декабрю «семнадцатого года» ситуация радикально изменилась, и ставшие мучительными общие «воспоминанья» спровоцировали лирического субъекта «искать» «губ» и «глаз» адресата.
- 36 Во второй строфе стихотворения речь, по-видимому, идет об отношении Ахматовой и Мандельштама к революционному движению в России, итогом деятельности которого стал октябрьский переворот. Ахматова в этом движении никогда не участвовала; соответственно, она оказалась в декабре 1917 года «ограблен<a> волею народа». Мандельштам в юности мнил себя революционером и в 1907 году даже произнес «рабочим своего района зажигательную речь по поводу провала потолка» Государственной Думы [Мец, 1990: 241]. Поэтому он в итоге «ограбил сам себя».
- 37 В третьей строфе представлен еще один, четвертый в поэтических произведениях Мандельштама словесный портрет Ахматовой, встроенный в предсказание, которому довелось в полной мере сбыться спустя двадцать девять лет после написания стихотворения, в 1946 году. То есть в роли Кассандры в данном случае выступил сам Мандельштам.
- 38 Для понимания четвертой строфы нужно вспомнить, что Кассандра была троянской царевной, предсказавшей гибель Трои. Соответственно, петроградские «высокие дома» в ситуации «декабря семнадцатого года» воспринимаются как «корабельный

лес», то есть — как материал для новых военных кораблей, отправляющихся разрушать новую Трои (старую Российскую империю). В стихотворении Мандельштама *За то, что я руки твои не сумел удержать...* 1920 года тем же эпитетом, что и петроградские «дома» будет наделен как раз троянский дворец, в котором жила Кассандра:

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворечник?
[Мандельштам, 1913: 42]

- 39 Далее в четвертой строфе используется уже знакомая нам по стихотворению *На развальных, уложенных соломой...* техника монтажного соединения эпох, событий и реалий. Как отметил М. Л. Гаспаров, основой для третьей и четвертой строк этой строфы послужило «искаженное воспоминание о безголовой статуе Самофракийской Ники в сочетании со слухами о надвигающихся эпидемиях» [Гаспаров, 2021: 632].
- 40 В пятой строфе изображен Александр Керенский, пугающий «волков» (большевиков) знаменитым лозунгом Великой французской революции (только на место «братства» Мандельштам подставляет «закон»): «Свобода, равенство, закон».
- 41 В шестой строфе любовная и историческая темы соединяются. Кассандре-Ахматовой Мандельштам задает риторический вопрос, в котором еще один Александр, в отличие от Керенского, не подразумевается, а прямо упоминается. Мы не будем включаться в давний спор между исследователями о том, какой Александр имеется здесь в виду — Александр I или Пушкин? Отметим, только, что страшная современность в финале мандельштамовского стихотворения сопоставляется с полным надежд периодом российской истории, определенным Александром Пушкиным через имя тогдашнего русского царя: «Дней Александровых прекрасное начало» (Из Послания цензору, 1822) [Пушкин, 1857: 32]¹³.
- 42 О болезни адресата и близости смерти говорится в еще одном стихотворении Мандельштама 1917 года, обращенном к Ахматовой:

Что поют часы-кузнечик,
Лихорадка шелестит,
И шуршит сухая печка, —
Это красный шелк горит.

Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно,
Это ласточка и дочка
Отвязала мой челнок.

Что на крыше дождь бормочет, —
Это черный шелк горит,
Но черемуха услышит
И на дне морском простит.

Потому что смерть невинна,
И ничем нельзя помочь,
Что в горячке соловьиной
Сердце теплое еще.¹⁴ [Мандельштам, 1922: 50]

- 43 «Это мы вместе топили печку; у меня жар — я мерю температуру», — разъяснила Ахматова в *Листках из дневника* [Ахматова, 1989: 130-131].
- 44 Стихотворение *Что поют часы-кузнечик...*, образы которого передают восприятие окружающего мира болезненным сознанием, особенно ясно показывает, что «влюбленность» и «страсть» — не самые точные слова для характеристики отношения Мандельштама к Ахматовой в 1917-1918 годах. Ключевые для нас строки: «Это ласточка и дочка / Отвязала мой челнок », с одной стороны, провоцируют вспомнить мандельштамовское стихотворение 1909 года *Нету иного пути...* с его центральной темой любви, как путешествия на лодке, а с другой стороны, позволяют сопоставить «ласточку» и «дочку» из стихотворения *Что поют часы-кузнечик...* с аналогичными обращениями из позднейших писем Мандельштама к жене Надежде Яковлевне:

Не об этом, ласточка, с тобой говорить! Я тебя люблю, зверенок мой, — так, как никогда, — не могу без тебя — хочу к тебе... и буду у тебя...» (1926) [Мандельштам, 2011: 403].

Не могу без тебя, ласточка моя (1926) [Мандельштам, 2011: 431].

Ласточка моя, кривоножка! (1926) [Мандельштам, 2011: 451].

Не плачь, горькая моя Надинька, не плачь, ласточка, не плачь,
желтенький мой птенчик (1930) [Мандельштам, 2011: 494].

Дочка моя, сестра моя, я улыбаюсь твоей улыбкой и голос твой
слышу в тишине (1919) [Мандельштам, 2011: 375].

Няня с тобой! Нарисуй мне рисуночек — свое неуклюжее что-
нибудь, дочка! Дочурочка, я люблю тебя — я этим счастливый
даже здесь...» (1926) [Мандельштам, 2011: 409].

Я жду тебя, моя жена, моя дочка, мой друг» (1937) [Мандельштам,
2011: 409]

45 В «декабре семнадцатого года», в условиях разрухи, исторического хаоса и близости смерти, Мандельштам по-видимому попытался выстроить с Ахматовой отношения, сходные с теми, которые у него позднее сложились с женой — отношения любви-отцовства-дружбы («моя жена, моя дочка, мой друг»), где эротическое подсвечивалось заботливо родительским и дружеским.

46 Для адресата мандельштамовских стихотворений 1917 года главной и потому невозможной в этих гипотетических отношениях оказалась эротическая составляющая.

47 Особняком среди ранних пореволюционных стихотворений Мандельштама, которые можно было бы включить в корпус его любовной лирики, стоит стихотворение *Tristia* 1918 года:

1

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы, и длится ожиданье,
Последний час вигилий городских.
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,

Глядели вдаль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.

2

Кто может знать при слове — расставанье,
Какая нам разлука предстоит,
Что нам сулит петушьи восклицанье,
Когда огонь в Акрополе горит,
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сениях лениво вол жуёт,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьёт?

3

И я люблю обыкновенье пряжи,
Снует челнок, веретено жужжит.
Смотри: навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Делия летит!
О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова.
И сладок нам лишь узнаванья миг.

4

Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск, что для мужчины медь,
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.¹⁵ [Мандельштам, 1922: 35–36]

- 48 Какая женщина изображена в этом стихотворении неизвестно. М. Л. Гаспаров высказал предположение, что ею была все та же Ахматова, поскольку Мандельштам драматически расстался с ней именно в это время [Гаспаров, 2001: 633]. Сигналом адресации, согласно Гаспарову, стала давно замеченная исследователями вариация знаменитой строки из ахматовского стихотворения *Высо́ко в небе облачко серело...* в четвертой строфе *Tristia*. У Ахматовой: «Как беличья расстеленная шкурка» [Ахматова, 1989: 56]¹⁶ — у Мандельштама: «Как беличья распластанная шкурка». Эту версию можно подкрепить еще одним наблюдением-аргументом: и в стихотворении «Высо́ко в небе

облачко серело...», и в «*Tristia*» говорится о девичьем гадании (у Ахматовой: «О нем гадала я в канун крещения») [Ахматова, 1989: 56]. Кроме того, как и в мандельштамовских стихотворениях из ахматовской серии, в стихотворении *Tristia* любовная тема в финале неожиданно разрешается напоминанием о смерти («А им дано гадая умереть»; у Ахматовой в стихотворении *Высоко в небе облачко серело...: «Пускай умру с последней белой выюгой»* [Ахматова, 1989: 56]).

- 49 И все же версия Гаспарова не кажется нам стопроцентно убедительной. Уж слишком непохожи были обстоятельства расставания обиженного Мандельштама с холодно отстранившей его Ахматовой на ситуацию трогательного прощания мужчины с влюбленной в него женщиной, описанную в *Tristia*. Она плачет («И женский плач мешался с пеньем муз») и полностью поглощенная горем даже не заботится о том, чтобы предстать перед мужчиной в выгодном свете. Об этом свидетельствует строка о «простоволосых жалобах ночных».
- 50 Совсем не напоминает послевкусие, надолго оставшееся у Мандельштама от прощания с Ахматовой в 1918 году и описанное в *Tristia* предвкушение новой радостной встречи, которая неизбежно ожидает лирического субъекта вслед за расставанием: «Смотри: навстречу, словно пух лебяжий, / Уже босая Делия летит!». В афористичных строках из этой строфы: «Все было встарь. Все повторится снова. / И сладок нам лишь узнаванья миг» справедливо усматривают воплощение концепции циклического времени, которую Мандельштам исповедовал в этот период¹⁷. Но ведь можно понять их и в бытовом, сиюминутном ключе — за расставанием последует новая встреча, гарантией чего служит повторяемость ситуации расставаний и встреч. При таком понимании сладостным оказывается первый «миг» новой встречи и каждый раз — нового — «узнаванья» влюбленными друг друга. Но как связан с только что процитированными строками из шестой, самой оптимистической строфы стихотворения *Tristia* зачин этой строфы: «И я люблю обыкновенье пряжи, / Снует челнок, веретено жужжит»? На наш взгляд, рукоделие («обыкновенье пряжи»), как и в стихотворении *Золотистого меду струя из бутылки текла...* («Помнишь, в греческом доме любимая

всеми жена, / Не Елена — другая — как долго она вышивала), может выступить здесь в качестве напоминания о Пенелопе — то есть в качестве знака женской верности и, соответственно, залога будущей встречи влюбленных.

- 51 Появление стихотворения *Tristia*, возможно, и было спровоцировано прощанием с Ахматовой. Однако описано в нем прощание идеализированное, такое, каким оно должно было стать и противопоставленное реальным обстоятельствам расставания Ахматовой с Мандельштамом («Мне пришлось объяснить Осипу» и так далее).
- 52 Вдова поэта, которая, как мы помним, старалась преуменьшить роль, сыгранную Ахматовой в жизни Мандельштама в 1917–1918 годах, выдвинула другую женщину на роль адресата стихотворения *Tristia*:

О ней я почти ничего не знаю. Только то, что она имела какое-то отношение к балету, скучала в Москве по родному Петербургу. Мандельштам видел ее, когда ехал из Грузии в Петербург через Москву, где на несколько дней задержался и даже был с ней в балете. [Мандельштам Н., 2014: 83]

- 53 Однако эти сведения столь туманны, что на месте адресата в стихотворении *Tristia* оказывается пустое место, чего, возможно, Надежда Мандельштам сознательно или бессознательно и добивалась. Отметим, что в Москве на пути из Грузии в Петроград поэт оказался лишь в начале октября 1920 года, но ведь уже 27 апреля предыдущего, 1919 года, в Киеве, он записал текст стихотворения *Tristia* в альбом актрисы Мальвины Марьяновой [Мандельштам, 2009: 566].
- 54 Через три дня после этого, в знаменитом киевском клубе для местной богемы «Хлам» Мандельштам сумел обратить на себя внимание женщины, с которой он проведет большую часть оставшейся жизни — Надежды Яковлевны Хазиной, в замужестве Мандельштам.

BIBLIOGRAPHY

Corpus

- Мандельштам Осип, 1913, *Ахматова, Гиперборей*, № 9-10, с. 30.
- Мандельштам Осип, 1916, *Камень*, Петроград, Гиперборей.
- Мандельштам Осип, 1919, *Кассандре, Свободный час*, № 8 (1), на обложке.
- Мандельштам Осип, 1922, *Tristia*, Берлин, Петербург, Петрополис.
- Мандельштам Осип, 1967, *Собрание сочинений*, т. 1. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, Вашингтон, Международное литературное содружество, 1967-1971.
- Мандельштам Осип, 2009, *Полное собрание сочинений и писем в трех томах*, т. 1. Сост. А. Г. Мец. Вступ. статья Вяч. Вс. Иванова. Москва, Прогресс-Плеяда.
- Мандельштам Осип, 2010, *Полное собрание сочинений и писем в трех томах*, т. 2. Сост. А. Г. Мец, Ф. Лозст, А. А. Добрицын, П. М. Нерлер, Л. Г. Степанова, Г. А. Левинтон, Москва, Прогресс-Плеяда.
- Мандельштам Осип, 2011, *Полное собрание сочинений и писем в трех томах*, т. 3. Сост. А. Г. Мец, Москва, Прогресс-Плеяда.

Références en russe

- Ахматова Анна, 1989, *Листки из дневника, Десятые годы*. Сост. и примечания Р. Д. Тименчика и К. М. Поливанова. Москва, МПИ.
- Ахматова Анна, 2016, *Малое собрание сочинений*. Сост., предисловие и примечания Н. Крайневой, Санкт-Петербург, Азбука.
- Богомоллов Николай, 1989, «Таким я вижу облик Ваш и взгляд...»: В ста зеркалах, *Литературное обозрение*, № 5, с. 37-43.
- Гаспаров Михаил, 2001, *Комментарии, Осип Мандельштам, Стихотворения. Проза*. Сост., вступит. статья и комментарии М. Л. Гаспарова. Москва, Аст, Харьков, Фолио, с. 604-710.
- Гаспаров Михаил, 2017, Статьи для «Мандельштамовской энциклопедии», М. Л. Гаспаров. О нем. Для него. Публикация и вступит. заметка П. Нерлера, подготовка текста М. Тарлинской и О. Лекманова, Москва, с. 13-103.
- Гинзбург Лидия, 2002, *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. Вступит. статья А. С. Кушнера, Санкт-Петербург, Искусство-СПб.
- Гумилев Николай, 1913, *Наследие символизма и акмеизм, Аполлон*, № 1, с. 42-45.

- Двинятина Татьяна, 1996, Мандельштам и «Ахматова». Анализ одного стихотворения, *Europa Orientalis*, n° XV (2), с. 97-118.
- Иванова Л. Н., Мец А. Г. (ред.), 1997, О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935-1936). Вступит. статья Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца. Комментарии А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова, Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Санкт-Петербург, Наука, с. 7-185.
- Левинтон Г. А., Никольская Т. Л., 1988, Голоса поэтов. Примечания, Волошин Максимилиан, *Лику творчества*. Ленинград, Наука, с. 769-776.
- Лекманов Олег, 2022, «Жизнь прошла, а молодость длится». Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». Москва, АСТ.
- Липкин Семен, 2008, Об Осипе Мандельштаме, «Угль, пылающий огнем...». Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Ред. П. Нерлер, Н. Поболь, Д. Полищук и др., Москва, РГГУ, с. 13-36.
- Лукницкая В. К. (ред.), 1991, Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого. Предисловие и примечания П. М. Нерлера, Слово и судьба. *Осип Мандельштам: исследования и материалы*, Москва, Наука, с. 111-148.
- Мандельштам Надежда, 2014, Вторая книга, *Собрание сочинений в двух томах*, т. 2 (1967-1979). Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, Екатеринбург, изд. Гонзо, при участии Мандельштамовского общества, с. 29-704.
- Мец Александр (ред.), 1990, О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова, Осип Мандельштам, Камень. Ред. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин, Ленинград, Наука, с. 241-260.
- Морев Глеб, 2022, *Осип Мандельштам. Фрагменты литературной биографии (1920-1930-е годы)*. Москва, Новое издательство.
- Панова Лада, 2018, Магия старинного слова. О любовной элегии Осипа Мандельштама «*Tristia*», *A/Z: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky*, Ed. by D. Ioffe, M. Levitt, J. Peschio, I. Pilshchikov, Boston, Academic Studies Press, с. 400-418.
- Пушкин Александр, 1857, *Послания цензору*, *Сочинения А. С. Пушкина*, т. 7, дополнительный, Санктпетербург, издание П. В. Анненкова.
- Ронен Омри, 2002, «Бедные Изиды». Об одной вольной шутке Осипа Мандельштама, *Поэтика Осипа Мандельштама*. Санкт-Петербург, Гиперион, с. 150-157.
- Тарановский Кирилл, 2000, *О поэзии и поэтике*. Москва, Языки русской культуры.
- Тименчик Роман, 1986, Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. III. «Невидимых звон копыт...», *Пушкин и русская литература*, Рига, Латвийский гос. университет им. П. Стучки, с. 119-135.

Тименчик Роман, 1988, К символике телефона в русской поэзии, *Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам*, вып. XXII, Тарту, с. 155–163.

Тименчик Роман, 2015, Еще раз о поэтическом диалоге Ахматовой и Мандельштама, *Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве*. Сост. П. М. Нерлер, А. Поморский, И. З. Сурат, ч. 2. Москва, РГГУ, с. 328–350.

NOTES

1 Приведем еще одну цитату из *Второй книги*, с этой же страницы: «Я понимаю обиду Мандельштама, когда [...] Ахматова вдруг упростила отношения в стиле “мальчика очень жаль” и профилактически отстранила его» [Мандельштам Н., 2014: 264]. Надежда Мандельштам иронически обыгрывает строку из первой строфы стихотворения Ахматовой 1913 года: «Мальчик сказал мне: “Как это больно!” / И мальчика очень жаль... / Еще так недавно он был довольным / И только слышал про печаль» [Ахматова, 1989: 103].

2 О непристойном эротическом подтексте этого словосочетания в процитированном фрагменте статьи Мандельштама см.: Ронен, 2002: 150–157.

3 Если поверить И. Одоевцевой, то с Адалис у Мандельштама тоже был короткий роман. В книге *На берегах Невы* Одоевцева пишет, что в Петрограде в 1920 году Мандельштам «не переставал говорить об Адалис, тогдашней полуофициальной подруге Брюсова. И всем казалось, что он увлечен ею не на шутку» [Лекманов, 2022: 238].

4 Позднейшую реакцию Ахматовой на этот выпад зафиксировала Л. Я. Гинзбург: «А. А. сказала, благосклонно улыбаясь: “В двадцатых годах Осип был очень радикально настроен. Он тогда написал про меня: “столпничество на паркете”» [Гинзбург, 2002: 74].

Взаимоотношения Ахматовой и Мандельштама в период написания последним статьи «*Vulgata*» подробно рассмотрены в книге Глеба Морева [Морев, 2022: 59–63].

5 Интересно, что фиксация сходного неуютного чувства отразилась в последнем (1934 года) и тоже шуточном стихотворении Мандельштама, обращенном к Ахматовой: «Привыкают к пчеловоду пчелы — / Такова пчелиная порода, / Только я Ахматовой уколы / Двадцать три уже считаю года» [Мандельштам, 2009: 336].

- 6 Подробнее об этом стихотворении см.: Двинятина, 1996.
- 7 Подробнее об этом стихотворении см.: Гаспаров, 2017: 87.
- 8 В стихотворении *Душу от внешних условий...* 1911 года [Мандельштам, 2009: 276].
- 9 Интересно, что это двустишие иногда печаталось, как принадлежащее Мандельштаму. См., например: Мандельштам, 1967: 292.
- 10 Воспроизводим с исправлением явной опечатки — в *Tristia* «Во» вместо «Цо». Подробнее об этом стихотворении см.: Тименчик, 1988: 155-163.
- 11 На связь реплики Мандельштама в разговоре с Сергеем Рудаковым с птичьими уподоблениями Ахматовой в стихотворениях Мандельштама обратил внимание Р. Д. Тименчик [Тименчик, 2015: 336].
- 12 Подробнее об этом стихотворении см.: Тименчик, 1986: 129-132.
- 13 В собрании сочинений Пушкина 1857 года это стихотворение было датировано 1824 годом и по цензурным соображениям названо *Первое послание к Аристарху*.
- 14 Подробнее об этом стихотворении см.: Тарановский, 2000.
- 15 «Веселий» вместо «вигилий» в этой публикации — опечатка. Подробнее об этом стихотворении см.: Панова, 2018.
- 16 В стихотворении Ахматовой функция двух начальных строк («Высо́ко в небе облачко серело, / Как беличья расстеленная шкурка») заключается в том, чтобы многообразно напомнить о скоротечности времени: сейчас облачко похоже на расстеленную шкурку белки, но очень скоро оно изменит форму; сейчас шкурка белки серая, но очень скоро она станет рыжей. Далее эта тема подхватывается упоминанием о марте, в котором лирической героине предстоит умереть и о январе, в котором она была счастлива и особенно строками: «О, как вернуть вас, быстрые недели / Его любви, воздушной и минутной!» [Ахматова, 1989: 56]. В мандельштамовском стихотворении *Tristia* эти смыслы утрачиваются.
- 17 Разбирая стихотворение *Tristia*, исследователи часто цитируют следующий пассаж из статьи Мандельштама «Слово и культура»: «Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, — глубокая

радость повторенья охватывает его, головокружительная радость»
[Мандельштам, 2010: 52].

ABSTRACTS

Русский

Количественно любовная лирика занимает сравнительно небольшое место в творческом наследии поэта. Тем не менее, сам он говорил, что лучшее из им написанного — любовная лирика. Многолетняя история личных и творческих взаимоотношений Мандельштама и Анны Ахматовой неоднократно становилась предметом научных исследований и мемуарных толкований. Мемуаристы спорят между собой, как было бы более уместно охарактеризовать отношение Мандельштама к Ахматовой: как дружбу, или же как любовь? Мы попытались ответить на этот вопрос, анализируя мемуарные источники и стихотворения Мандельштама, обращенные к Ахматовой.

Français

D'un point de vue quantitatif, la poésie amoureuse occupe une place relativement modeste dans l'œuvre lyrique de Mandel'stam. Le poète fit cependant lui-même remarquer que ses meilleurs vers parlaient de l'amour. Les relations personnelles et poétiques, longues de plusieurs années, entre Mandel'stam et Ahmatova ont plus d'une fois attiré l'attention des chercheurs et biographes. Ces derniers croisent le fer en qualifiant ces relations tantôt d'amitié, tantôt d'amour, et sans vraiment savoir comment les définir au juste. Nous avons essayé de répondre à cette question en analysant les mémoires des deux poètes, ainsi que les vers de Mandel'stam adressés à Ahmatova. Cette étude fait partie du livre inédit *La poésie amoureuse de Mandel'stam. Évolution. Cohérence. Destinataires*.

English

Although love poetry constitutes a relatively small portion of Osip Mandel'stam's oeuvre, he himself considered it his best work. The long-standing personal and creative relationship between Mandel'stam and Anna Ahmatova has repeatedly been the subject of scholarly research and memoir interpretations. Memoirists debate whether Mandel'stam's attitude toward Ahmatova was rooted in friendship or love. This study seeks to address this question by analyzing Mandel'stam's poems devoted to Ahmatova alongside with memoir sources. The finding forms a part of the unpublished book *Mandel'stam's love lyrics. Evolution. Unity. Recipients*.

INDEX

Mots-clés

Ahmatova (Anna), Mandel'stam (Osip), acméisme, poésie amoureuse, journal intime, mémoires

Keywords

Akhmatova (Anna), Mandel'stam (Osip), acmeism, love lyrics, diary, memoirs

Ключевые слова

Ахматова (Анна), Мандельштам (Осип), акмеизм, любовная лирика, дневник, мемуары

AUTHOR

Oleg Lekmanov

Docteur d'État ès-lettres, historien de la littérature, professeur invité à l'université de Princeton, auteur de plus de huit-cents publications, notamment sur les acméistes, l'œuvre de Mandel'stam, Esenin, Kataev, Erofeev et d'autres écrivains du vingtième siècle.